

DOI 10.15393/j9.art.2016.3821

УДК 821.161.1.09“1917/1992”

**Наталья Владимировна Михаленко***Институт мировой литературы им. А. М. Горького**Российской академии наук**(Москва, Российская Федерация)*

tinril@list.ru

## **СИМВОЛИКА ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ В «ПУТЕШЕСТВИИ МОЕГО БРАТА АЛЕКСЕЯ В СТРАНУ КРЕСТЬЯНСКОЙ УТОПИИ»**

**А. В. ЧАЯНОВА \***

**Аннотация.** Образ Вавилона был востребован в исторических трудах и художественных произведениях конца XIX — начала XX века. Символ Вавилонской башни аллюзивно читается в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) А. В. Чаянова. К нему отсылают многократные упоминания живописи Питера Брейгеля Старшего, автора картин «Большая Вавилонская башня» и «Малая Вавилонская башня», чье творчество востребовано жителями крестьянской страны. Утопические правители, «авгурь духа», изменившие ход истории и поднявшие государство из руин, мыслят свою деятельность как теургическую, не случайно государственным гимном здесь является «Прометей» А. Н. Скрябина. В стране крестьянской утопии осуществляется искусственный отбор — «терапия неудавшихся жизнью», все стремления направлены на то, чтобы ни один талант не был бы утерян. Таким образом человек ставит себя в центр мира, нивелируется идея соработничества с Богом. Воплощая в романе свои футурологические, научно-экономические, искусствоведческие представления, Чаянов предостерегает от идеи человекобожества, символом которого является башня Древнего Вавилона.

**Ключевые слова:** А. В. Чаянов, «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии А. В. Чаянова», Вавилонская башня

**В** конце XIX — начале XX века, в кризисное время русской истории и культуры, интерес к библейским символам и образам необычайно возрос. Он проявлялся в литературе (произведения С. А. Есенина, Н. С. Гумилева, В. В. Маяковского, Н. А. Клюева и др.), живописи (иконописная цветопись и образы в полотнах К. С. Петрова-Водкина, В. М. Васнецова, М. В. Нестерова и др.). Образ Вавилонской башни был значим как в трудах историков, теологов<sup>1</sup>, так и в художественных

произведениях («Вавилонское столпотворение» Ю. Роденберга<sup>2</sup>, «Вавилонская башня» М. Н. Альбова и К. С. Баранцевича<sup>3</sup>, «Москвичка; Заграницей» В. О. Михневича<sup>4</sup>). Можно предположить, что какие-то из этих работ входили в круг чтения А. В. Чаянова, обладавшего уникальной библиотекой, на которую в 1918 году ему была выдана государственная охранная грамота.

Символика Вавилонского царства, Вавилонской башни проходит через роман Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) отдельными штрихами, мазками, как бы подталкивает читателя к выводу. Центральное произведение Чаянова, во многом воплотившее его взгляды на необходимую организацию жизни, социально-экономический уклад общества, формы крестьянского хозяйства, а также на то, как произведения искусства должны входить в повседневную жизнь человека, стало в то же время предупреждением для руководства страны, современного ученого.

Образ Вавилона появляется с самого начала пребывания Алексея Кремнева, видного советского партийного деятеля, в утопическом мире. Оглядывая комнату, где он мистическим образом очутился, Кремнев обращает внимание, что большая часть вещей в ней отличалась «тщательностью своей отделки, какой-то подчеркнутой точностью и роскошью выполнения и странным стилем своих форм, отчасти напоминавших русскую античность, отчасти орнаменты Ниневии. Словом, это был сильно русифицированный Вавилон»<sup>5</sup>.

Одна из картин на стене в комнате изображала людей в «цветных фраках, дам с зонтиками, автомобили» (225), ее сюжетом служило что-то вроде «отлета аэропланов», по своей композиции «с высоким горизонтом», по «драгоценным краскам» она напоминала «классическую вещь Питера Брейгеля Старшего» (225).

Работы нидерландского художника П. Брейгеля (Старшего) (ок. 1525–1569) не раз упоминаются на страницах крестьянской утопии. Чаянов интересовался живописью, собрал коллекцию гравюр и издал монографию «Старая западная гравюра» (1926), в которой в доступной форме кратко

изложил историю гравюры, основные техники ее исполнения, дал расшифровки подписей некоторых художников, а также разработал методику для начинающих собирателей. Он дружил с П. П. Муратовым, автором работ «Образы Италии», «Русская живопись до середины XVII века: история открытия и исследования», «Древнерусская живопись: история открытия и исследования». 132-е издание книги Муратова «История живописи на ста страницах» покупают и жители утопического общества. «Всеобщим достоянием в утопии стало не массовое, упрощенное, а подлинное искусство, не набор общеизвестных шедевров, а вся сокровищница мирового искусства. Социальный прогресс в утопии заключается в расширении круга лиц, “пьющих из первоисточника культуры и жизни”» [3, 277]. Искусство здесь возведено в «ранг светской религии» [11, 76].

На картине Брейгеля «Малая Вавилонская башня» изображен кульминационный сюжет этой библейской истории. В сумрачном освещении предстают развалины башни, на ее стенах уже не видно людей. В работе «Большая Вавилонская башня» судьба царства, имевшего «один язык и одно наречие» и загоревшегося прометеевской идеей равенства Богу, еще не свершилась. «Вавилонская башня занимает центральное положение и размещается на подробно выписанном фоне: в урбанистическом пространстве города, опоясывающего башню сзади, различаются внутренние лабиринты, множество деталей стройки, можно видеть строительные материалы, специальные приспособления, занятых рабочих. Недалеко от башни <...> царь Нимрод следит за ходом работ и слушает разъяснения архитектора. Горделивая поза монарха открыто говорит о грехе гордыни» [1, 92], и его грех трагически как бы распространяет свое влияние на всех, изображенных на картине, — на подчиненных, которые преклонили колени в его присутствии. «Строители спешат строить башню быстрее и выше, как следствие тому — растет только середина, за которой не успевают достраивать края. Строители тратят много сил на поддержание здания-гиганта, но его разрушает время. Брейгель показывает не грандиозное, масштабно развернутое строительство, а тщетные попытки людей завершить

превысившую определенный лимит размера постройки. Этим ограничением в данном случае стали природа и время» [10, 121].

Идея человекобожества в романе Чаянова начинает звучать уже в разговоре Кремнева с *утопической женщиной* Параскевой. Рассказывая ему о своих живописных предпочтениях — картинах Брейгеля Старшего, Ван Гога, Рыбникова, Ладонова, она говорит, что «искала в искусстве тайны вещей, чего-то или божеского или дьявольского, но превышающего силы человеческие. Признавая высшую ценность всего сущего, она требовала от художника конгениальности с творцом вселенной, ценила в картине силу волшебства, дающую новую сущность...» (227). Над умами утопических жителей властвуют суздальские фрески XII века, «царство реализма с Питером Брейгелем как кумиром» (228).

Вся жизнь утопического общества основана на идее «искусственного подбора и содействия организации талантливых жизней» (263). Здесь построено такое человеческое общество, «в котором личность не чувствовала бы на себе никаких пут, а общество невидимыми для личности путями блюло бы общественный интерес» (259). «Всегда нашим конечным критерием являлось углубление содержания человеческой жизни, интегральная человеческая личность» (259). Методы евгеники стали основными в новом обществе, все направлено на социальный прогресс: «Теперь мы знаем морфологию и динамику человеческой жизни, знаем, как можно развить из человека все заложенные в него силы. Особые общества, многочисленные и мощные, включают в круг своего наблюдения миллионы людей, <...> теперь не может затеряться ни один талант, ни одна человеческая возможность не улетит в царство забвения...» (264).

В середине XIX — начале XX века появилось множество работ по евгенике. Так, основоположник научной евгеники, Ф. Гальтон (1822–1901) в труде «Наследственный гений: исследование его законов и следствий»<sup>6</sup> исходил из аксиомы, что «талант, и вообще психические свойства, наследственны так же, как физические свойства человека» (цит. по: [4, 24]). Он изучал сотни генеалогий известных писателей, художников, судей, общественных деятелей, чтобы статистически разработать проблему

передачи способностей, таланта по наследству. Гальтон предполагал, что «на основе рационального регулирования рождаемости можно усовершенствовать расу (породу), в конечном счете — весь человеческий род» (цит. по: [2, 56]). Гальтон предполагал, что в будущем будут введены «сертификаты», свидетельствующие «об евгенической доброкачественности данного лица» (цит. по: [4, 53]). В 1866 году в России вышла книга проф. В. М. Флоринского «Усовершенствование и вырождение человеческого рода»<sup>7</sup>, где ставилась проблема негативной евгеники, которую автор понимал как предупреждение рождения больного потомства. Вероятно, какая-то из этих работ была известна Чаянову, да и вызванный этими исследованиями резонанс не мог не затронуть ученого.

В чаяновской утопии складывается олигархия «авгуров духа», которые творят новый мир, посвягают на божественную миссию. Если рассмотреть толкования символики мифа о Вавилонской башне различных исследователей Библии, то можно выделить несколько составных частей. Если принять толкование «первозыка» как языка высшего понимания, то его разрушение, отделение человека от Бога проходит в несколько этапов. Как говорил в своих лекциях богослов Е. А. Авдеенко, первый этап связан с «отречением от “сыновства” и контакта с Первоистоком», второй — техническая революция, которая заставляет людей стать теургами своего повседневного мира, возводится в культ, и человек, замыкаясь в своем творчестве (и это третий этап), забывает о «богосыновстве». «Образ Первоистока-Бога заменяется идеей познания мира и логосом-законом, регулирующим космический порядок»<sup>8</sup>: «Башня нового Вавилона создается как знак — символ нового духа, Нового мировоззрения, в котором нет места богообщению, а есть интерес к устройству земного бытия и земного счастья. <...> вспоминая слова Евангелия о том, что “Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог”, человечество стремится сделать “Слово” “Социальной реальностью”, подменив ею идею Бога. Здесь научное знание становится тем самым “высоким началом” или инструментарием социальной инженерии, представленным в виде аксиом и открытых учеными законов природы. Все научные

открытия человек стремится применить для преобразования повседневной жизни, тем самым исполняя свою волю. В то же время, согласно законам, установленным до Вавилонского строительства, человечеству предполагалось жить в соработничестве с Богом, исполняя Его заповеди и согласуя свою волю с Его волей. Таким образом, изменяется сакральный центр коммуникативного пространства, человек себя ставит на место Бога в центр сотворенного мира» [6, 140–141].

То же происходит и в чаяновской утопической стране. Внимание к человеку, его полноценному развитию, на что пущены все силы государства, ставит его в центр мира. Интересно, что в этом произведении Чаянов воплотил все свои идеи о возможной организации экономики государства, техническом развитии человечества, влиянии искусства на формирование личности. Но в то же время предостерег от того, чтобы человек, творя свой обыденный мир, не посчитал себя сотворцом Бога.

Вопросы улучшения сельского хозяйства, прогнозирования и формирования метеорологических условий, развития кооперации, организации семейного хозяйства Чаянов развивал в своих работах: «Что такое аграрный вопрос» (1917), «К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства» (1924), «Возможное будущее сельского хозяйства» (1928), «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации» (1919), «Организация крестьянского хозяйства» (1925) и др. Многие его идеи в художественной форме воплотились в крестьянской утопии. Прежде всего, это теория семейного трудового крестьянского хозяйства, умного отношения к природе — «против закона убывающего плодородия почвы далеко не пойдешь. Наши урожаи, дающие свыше 500 пудов с десятины, получают чуть ли не индивидуализацией ухода за каждым колоском. Земледелие никогда не было столь ручным, как теперь» (238). «В основе нашего хозяйственного строя, так же как и в основе античной Руси, лежит индивидуальное крестьянское хозяйство. Мы считали и считаем его совершеннейшим типом хозяйственной деятельности. В нем человек противопоставлен природе, в нем труд приходит в творческое соприкосновение со всеми силами космоса и создает новые

формы бытия. Каждый работник — творец, каждое проявление его индивидуальности — искусство труда» (245). В работе «Возможное будущее сельского хозяйства» (1928) Чаянов писал о новых методах, приемах, формах хозяйства, о перспективных путях его развития. В качестве важнейшего вопроса, воплотившегося и в его утопии, Чаянов выделял предвидение урожая и регулирование атмосферных явлений. Если сельский хозяин заранее будет знать те метеорологические условия, перед которыми он окажется в будущую сельскохозяйственную кампанию, то «сельское хозяйство в этой области из азартной игры можно будет превратить в нечто, построенное на основе ясного расчета»<sup>9</sup>. В утопической стране люди не только перемещаются с помощью машин и аэропланов, но и могут регулировать атмосферные осадки: «...были установлены метеорофоры, сеть силовых магнитных станций, управляющих погодой по методам А. А. Минина» (243); «На 9 часов сегодня назначено начало генерального дождя, и через час метеорофоры поднимут целые вихри» (237).

Все силы утопического общества брошены на то, чтобы дать талантливым юношам и девушкам прекрасное образование. Например, в «Братстве Флора и Лавра» организован «своеобразный светский монастырь» (237), в котором созданы все условия для развития способностей его обитателей в разных видах искусства: «Братство владело двумя десятками огромных и чудесных имений, разбросанных по России и Азии, снабженных библиотеками, лабораториями, картинными галереями, и, насколько можно было понять, являлось одной из наиболее мощных творческих сил страны» (237). В статье «Методы высшего образования» Чаянов писал о важности знакомства студентов с подлинными произведениями искусства: «Обаяние первоисточников остается в сердце наших слушателей на всю жизнь, куда бы она их не забросила»<sup>10</sup>. Само пребывание в академической среде — это «неисчислимый источник культуры»<sup>11</sup>, который подталкивает студента изучать коллекции музеев, посещать театры и лекции, дает «незабываемое ощущение соприкосновения с первоисточником науки, мысли и творческого искусства»<sup>12</sup>. В художественной реальности «Путешествия...» Чаянов «дает возможность

“реализоваться” народнической модели развития России, обогащая ее утопическими смыслами элитарного Серебряного века с его мифологемой “русского Ренессанса” [7, 326].

Успехи в организации человеческой жизни стимулировали внимание руководителей утопической страны к самому человеку, его природе. Внимание к искусству — возможность почувствовать себя соратником Бога — переродилось в желание усовершенствовать природу человека. В начале XX века «преодоление границ» было «сокровенным импульсом творчества таких харизматических художников-визионеров, как Блок, Белый, Бальмонт, Врубель, — это прежде всего способность осуществить переход в сферы, лежащие по ту сторону “нормального”, чисто человеческого — ограниченного, недостаточного — чувствования и восприятия. Магическое звукотворчество поэтов-символистов, “нечеловеческая” палитра Врубеля, “космическая” обертоновая гармония Скрябина позволяли преодолеть традиционные границы искусства, за которыми скрывалось неслышимое, невидимое, невоспринимаемое» [5, 399]. В статье Блока «О современном состоянии русского символизма» (1910) утверждалось, что поэт должен вслушиваться в музыку, дабы стать символистом — «теургом, т. е. обладателем тайного знания, за которым стоит тайное действие»<sup>13</sup>. Чайновские «авгуры духа» посягнули на божественную миссию. Основой их деятельности стала «идея искусственного подбора и содействия организации талантливых жизней» (263). Когда Кремнев в ужасе задает Минину вопрос: «...кто вы: авгуры или фанатики долга? Какими идеями стимулировалась ваша работа над созданием сего крестьянского эдема?» (265), — он получает ответ, что руководители страны мнят себя «людьми искусства», которых ведут «искры Прометеева огня творчества» (266).

Не случайно «Прометей» Скрябина стал государственным гимном утопической страны. Во время концерта в честь окончания жатвы исполняется программа на кремлевских колоколах в «сотрудничестве с колоколами других московских церквей» (267). В нее включены «Звоны Ростовские XVI века», «Литургия Рахманинова», «Куранты Борисьяка», «Звон Акимовский (1731 г.)», «Перезвон Егорьевский с перебором»,

«Звоны московские». Наряду с церковной музыкой звучит и «Прометей» Скрябина. Богоборческая идея получает здесь свое наиболее яркое воплощение. Даже средства церковного искусства, призванные прославлять Творца, направлены на восхваление человека. Исполняемые всем городом, звуки утверждают человеческую мощь: «Через минуту густой удар Полиелейного колокола загудел и пронесся над Москвой, ему в октаву отозвались Кадаши, Никола Большой Крест, Зачатьевский монастырь, и Ростовский перезвон охватил всю Москву. Медные звуки, падающие с высоты на головы стихшей толпы, были подобны взмахам крыл какой-то неведомой птицы» (268). Современники также признавали, что в «Прометее» чувствуется смоделированная с помощью музыкальных средств новая реальность. Говоря словами музыковеда Л. Л. Сабанеева, «Прометей» — это «совершенно небывалая иллюстрация потустороннего мира» (цит. по: [8, 435]).

Чаянов выразил это теургическое стремление деятелей искусства к творению нового мира и изменению природы человека. Как писала О. А. Павлова, «в Серебряном веке эстетическая утопия “сомкнулась” с мистической, ибо основным условием преобразования мироздания в ней утверждалась необходимость преображения человека, трансформации его этико-онтологического статуса» [8, 3]. Само коренное изменение жизни в Советской стране для Чаянова было знаком создания нового Вавилона, забывшего о Боге. Не случайно в это время архитектор В. Е. Татлин создал свой макет под названием «Башня III Интернационала» — «Памятник сделан из железа, стекла и революции»<sup>14</sup>, а архитектор Б. М. Иофан разрабатывал проект здания Дворца Советов.

Символ Вавилонской башни — один из знаковых в культуре первой трети XX века, говорящий об амбициях человека. В романе Чаянова он проходит в виде намеков, аллюзий, ассоциаций, но вместе с тем обретает грозное звучание. Не случайно жанр Чаяновской утопии определяют термином «метаутопия» [9]. В романе Чаянов предлагает научно обоснованную программу развития страны и показывает, что, возгордившись своими трудами, человек может обожествить себя, но колосс на глиняных ногах, созданный человекобожеством, непрочен, обречен на разрушение, как и башня древнего Вавилона.

## Примечания

- \* Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Проект № 16-04-50064 «А. В. Чайнов-писатель. Научная биография».
- <sup>1</sup> Layard Austen Henry. *Nineveh and Babylon: a narrative of a second expedition to Assyria during the years 1849, 1850 & 1851*. London, 1897; Делич Ф. Библия и Вавилон. СПб., 1911; Григорьев И. Ф. Библейские псалмы и древнеавилонские гимны: К вопросу — Библия и Вавилон. Казань, 1911; Кондамен А. Вавилон и Библия. Сергиев-Посад, 1912; Винклер Г. Вавилон, его история и культура. СПб., 1913; Сенатов В. Г. Вавилон, Израиль и Германия: Историко-философское объяснение современной войны. Петроград, 1916; Кареневский В. Е. Мироздания: Сион и Вавилон (Две церкви). Петроград, 1917.
- <sup>2</sup> Роденберг Ю. Вавилонское столпотворение: Der Thurm zu Babel: Оратория в 1 д.: Поэма Ю. Роденберга, музыка Антона Рубинштейна. М.: П. Юргенсон, 1889. 33 с.
- <sup>3</sup> Альбов М. Н., Баранцевич К. С. Вавилонская башня: История возникновения, существования и падения одного фантастического общества: Юмористический роман в 2 ч. М., 1896.
- <sup>4</sup> Михневич В. О. Москвичка: Роман-фельетон из петербургских нравов; Заграницей (Современный Вавилон. Заграничные встречи с соотечественниками): [Очерки]. СПб., 1891. 393 с.
- <sup>5</sup> Чайнов А. В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии // Чайнов А. В. Московская гофманияда: Полное собрание художественных произведений / послесл. В. Б. Муравьева; примеч. В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. М., 2006. С. 225. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- <sup>6</sup> Galton F. *Hereditary Genius: An inquiry into its Laws and Consequences*. London: Macmillan and Co. 1869. 390 p.
- <sup>7</sup> Флоринский В. М. Усовершенствование и вырождение человеческого рода // Русская евгеника. Сборник оригинальных работ русских ученых (хрестоматия) / под общей ред. В. Б. Авдеева. М.: Белые альвы, 2012. (Серия «Библиотека расовой мысли»).
- <sup>8</sup> Лекции Е. А. Авдеенко цит. по: [6, 140].
- <sup>9</sup> Чайнов А. В. Возможное будущее сельского хозяйства // Экономическое наследие А. В. Чайнова. М.: Издательский Дом ТОНЧУ, 2006. С. 137.
- <sup>10</sup> Чайнов А. В. Методы высшего образования // Экономическое наследие А. В. Чайнова. С. 633.
- <sup>11</sup> Там же. С. 631.
- <sup>12</sup> Там же. С. 632.
- <sup>13</sup> Блок А. А. О современном состоянии русского символизма // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 5. Проза: 1903 — 1917 / подгот. текста и прим. Д. Е. Максимова и Г. А. Шабельской. С. 427.
- <sup>14</sup> Шкловский В. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М., 1990. С. 101.

### Список литературы

1. Бьянко Д. Брейгель. Сокровищница мировых шедевров. — М.: БММ, 2012. — 160 с.
2. Иванюшкин А. Я., Лапин Ю. Е., Смирнов В. И. Евгеника: от утопии к науке и... от науки к утопии? // Российский педиатрический журнал. — 2013. — № 2 [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evgenika-ot-utorpii-k-nauke-i-ot-nauki-k-utorpii> (25.08.2016).
3. Казнина О. А. Евразийский комплекс идей в литературе // Гачева А. Г., Казнина О. А., Семенова С. Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. — М.: ИМЛИ РАН, 2003. — С. 214–288.
4. Канаев И. И. Фрэнсис Гальтон (1822–1911). — Л.: Наука, 1972. — 134 с.
5. Лобанова М. Н. «Экстаз и безумие»: особенности дионисийского мировосприятия А. Н. Скрябина // Философия. Литература. Искусство: Андрей Белый — Вячеслав Иванов — Александр Скрябин / под ред. К. Г. Исупова. — М.: РОССПЭН, 2013. — С. 398–418.
6. Мостицкая Н. Д. Праздничное и повседневное в коммуникативном пространстве современной культуры, или Новый Вавилон: монография. — М.: МГИК, 2015. — 164 с.
7. Павлова О. А. Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры. — Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2005. — 694 с.
8. Павлова О. А. Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Саратов, 2006. — 44 с.
9. Соливетти К. Утопия или метаутопия? // «Вторая проза»: Русская проза 20-х–30-х гг. XX века. — Trento: Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche, 1995. — С. 297–314.
10. Чупрак К. А. Две картины Питера Брейгеля старшего, изображающие строительство Вавилонской башни // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. — 2004. № 3–4 [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dve-kartiny-pitera-breygelya-starshego-izobrazhayuschie-stroitelstvo-vavilonskoj-bashni> (25.08.2016).
11. Шушпанов А. Н. А. В. Чайнов и утопия 1920-х годов: проблема жанра // Потаенная литература. Исследования и материалы. Приложение к выпуску 2. — Иваново: Ивановский государственный университет, 2000. — С. 74–80.

Natalya V. Mikhalenko

A. M. Gorky Institute of World Literature  
of the Russian Academy of Sciences  
(Moscow, Russian Federation)

tinril@list.ru

## THE SYMBOL OF THE TOWER OF BABEL IN ALEXANDER V. CHAYANOV'S BOOK "MY BROTHER ALEXEI'S JOURNEY INTO THE LAND OF PEASANT UTOPIA"

**Abstract.** The image of Babylon was popular in historical writings and fiction of the late 19th and early 20th centuries. Alexander V. Chayanov's book "My brother Alexei's journey into the land of peasant utopia" (1920) contains a lot of allusions to the Tower of Babel, such as numerous references to the works of Peter Breugel the Elder, author of paintings of the Tower of Babel whose works are appreciated by the peasants. His utopian governors, the "augurs of spirit", who changed the course of history and restored the State, considered their deeds theurgic, and it was no coincidence that the state anthem in this utopia was Alexander Skriabin's "Prometheus". In the country of peasant utopia, an artificial selection is put in practice, the so-called "therapy of failed lives", and all the aspirations are not to waste a single talent. Thus, a man sees himself the centre of the world. The conception of collaboration with God is depreciated. Having embodied in the novel his futurologic, scientific and economic, artistic ideas Chayanov warned against the idea of Man as a God whose symbol is the Tower of Ancient Babel.

**Keywords:** A. V. Chayanov, "My brother Alexei's journey into the land of peasant utopia", The Tower of Babel

### References

1. B'yanko D. *Breygel'. Sokrovishchnitsa mirovykh shedevrov [Treasury of World Masterpieces]*. Moscow, BMM Publ., 2012. 160 p.
2. Ivanyushkin A. Ya., Lapin Yu. E., Smirnov V. I. Evgenika: ot utopii k nauke i... ot nauki k utopii? [Eugenics: from Utopia to Science and... from Science to Utopia?]. *Rossiyskiy pediatricheskiy zhurnal*, no. 2, 2013. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/evgenika-ot-utopii-k-nauke-i-ot-nauki-k-utopii> (accessed 25 August 2016).
3. Kaznina O. A. Evraziyskiy kompleks idey v literature [Eurasian Complex of Ideas in Literature]. *Gacheva A. G., Kaznina O. A., Semenova S. G. Filosofskiy kontekst russkoy literatury 1920–1930-kh godov [Gacheva A. G., Kaznina O. A., Semenova S. G. Philosophical Context of Russian Literature of the 1920s–1930s]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature RAS Publ., 2003, pp. 214–288.

4. Kanaev I. I. *Frensis Gal'ton (1822–1911)* [*Francis Galton (1822–1911)*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 134 p.
5. Lobanova M. N. «Ekstaz i bezumie»: osobennosti dionisiyskogo mirovospriyatiya A. N. Skryabina [“Enthusiasm and Madness”: Peculiarities of Dionisiysky Worldview of A. N. Scriabin]. *Filosofiya. Literatura. Iskusstvo. Andrey Belyy. Vyacheslav Ivanov. Aleksandr Skryabin* [*Philosophy. Literature. Art. Andrei Bely. Vyacheslav Ivanov. Alexander Scriabin*]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2013, pp. 398–418.
6. Mostitskaya N. D. *Prazdnichnoe i povsednevnoe v kommunikativnom prostranstve sovremennoy kul'tury, ili Novyy Vavilon* [*A Festive and Everyday Aspects in the Communicative Space of Contemporary Culture, or New Babylon*]. Moscow, Moscow State Institute of Culture Publ., 2015. 161 p.
7. Pavlova O. A. *Russkaya literaturnaya utopiya 1900–1920-kh godov v kontekste otechestvennoy kul'tury* [*Russian Literary Utopia of the 1900s–1920s in the Context of National Culture*]. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo Publ., 2005. 694 p.
8. Pavlova O. A. *Russkaya literaturnaya utopiya 1900–1920-kh godov v kontekste otechestvennoy kul'tury. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [*Russian Literary Utopia of the 1900s–1920s in the Context of National Culture. PhD. philol. sci. diss. abstract*]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2006. 44 p.
9. Solivetti K. Utopiya ili metautopiya? [Utopia or Meta-utopia?]. «*Vtoraya proza*»: *Russkaya proza 20-kh–30-kh godov XX veka* [“*The Second Prose*”: *Russian Prose of the 1920s–1930s of the 20th Century*]. Trento, Dipartimento di Scienze Filologiche e Storiche Publ., 1995, pp. 297–314.
10. Chuprak K. A. Dve kartiny Pitera Breygelya starshego, izobrazhayushchie stroitel'stvo Vavilonskoy bashni [Two Paintings by Pieter Bruegel the Elder, Depicting the Construction of the Tower of Babel]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya* [*Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History*], 2004, no. 3–4. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/dve-kartiny-pitera-breygelya-starshego-izobrazhayushchie-stroitelstvo-vavilonskoy-bashni> (accessed 25 August 2016).
11. Shushpanov A. N. A. V. Chayanov i utopiya 1920-kh godov: problema zhanra [A. Chayanov and Utopia of the 1920s: The Problem of Genre]. *Potaennaya literatura. Issledovaniya i materialy. Prilozhenie k vypusku 2* [*Undiscovered Literature. Researches and Materials. Supplement to Issue 2*]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2000, pp. 74–80.

*Дата поступления в редакцию: 20.09.2016*